

УДК 811.114

ФЕЛИЦИТАРНАЯ ЛИНГВИСТИКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹**В. К. Харченко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:**Harchenko@bsu.edu.ru*

На материале художественного, родословного и разговорного дискурсов исследуется «лингвистика счастья», выявляются её составляющие через триаду: когниция – эмоция – перцепция, намечаются перспективы развития фелицитарной лингвистики.

Ключевые слова: разговорный дискурс, метафора, фелицитарный, вокатив.

В социально-гуманитарном пространстве современной мысли всё большее место в последнее десятилетие начинает занимать так называемая «политика счастья», или фелицитарная политика. Проводятся исследования критериев счастья, индексации этого неоднозначного феномена, сравниваются показатели отдельных стран, формируется теоретическая платформа дальнейших исследований феномена счастья [1]. Современная отечественная социология вплотную подошла к изучению состояния, если не счастья, то как минимум удовлетворённости жизнью. Проводятся социологические опросы, вырабатываются критерии оценки, что связано, в том числе, и с анализом эффективности муниципального управления [2]. В русле сказанного заявлять, что современная лингвистика стоит в стороне изучения феномена счастья, по меньшей мере некорректно. Такие исследования проводятся в мейнстриме современного языковедения, а именно в лингвокогнитивном направлении как изучение соответствующих концептов.

Концепт «счастье» проанализирован в целом ряде работ, в том числе сопоставительного характера, например [3; 4; 5]. Разумеется, этих работ меньше, нежели работ «трагической ориентации» с концептами «судьба», «рок», «горе».

Указанные работы отличает, во-первых, полевой подход, что соответствует лингвокогнитивному направлению исследования концепта: выделение ядра, приядерной и периферийной зон с делением на ближнюю и дальнюю периферии. Во-вторых, главным поставщиком материала «по счастью» становятся пословицы, выстраиваемые прежде всего из словаря В. И. Даля, многие из которых в настоящее время уже не звучат, не промышляются в «коллективном бессознательном». В-третьих, такая категория, как счастье, анализируется в сплетке, спайке с противоположной категорией «горе», «несчастье» и т. п., что несколько растворяет, в том числе и в сознании исследователя, восприятие счастья как отдельной, особой категории, достойной обособленного изучения.

Осторожность авторов в своих выводах вполне объяснима. Выводы по осмыслению русским человеком любого жизненного позитива неминуемо проецируются на особенности национального менталитета, а именно на стремление откладывать радость на завтра, переносить, по мысли В. Лефевра, идеал в завтрашний день, а также на боязнь сглазить своё счастье, боязнь, подпитываемую мощной индустрией современной магии («сниму порчу», «сниму венец безбрачия», «решу проблемы с карьерой»).

Поставим вопрос так: можно ли в такой ситуации заявлять о необходимости развития фелицитарной лингвистики, или лингвистики счастья, или целесообразнее вести речь о теории позитива, о становлении лингвистики позитива? Должна ли быть у фелицитарной лингвистики собственная методология, свой инструментальный исследова-

¹ Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2013 г. (проект 6.8195.2013).

дования? Какие дискурсы в первую очередь будут подвергнуты изучению? Можно ли в принципе изучать позитив без негатива, счастье вне несчастья?

Сформулированные вопросы высвечивают далеко не один блок трудностей заявленного исследования. Понятие позитива, разумеется, шире, чем понятие счастья: в него включаются и удовольствие, и радость, и хорошее настроение, и симпатия. Языковой позитив характеризует такие концепты, как «дружба», «родина», «труд» и мн.др., в которых присутствуют положительные, даже высоко положительные смыслы. Если вести речь «только» о счастье, то и оно распадается на целый ряд проекций, соотносясь с такими концептами, как «любовь», «семья», «успех», «достаток», «уверенность в завтрашнем дне», «смысл жизни», «здоровье» и др. Такие фракталы, «пушистые множества» (Л. Заде), с одной стороны, осложняют исследование, с другой – делают его более точным, валидным. Полагаем, что составляющие счастья хорошо укладываются в диаду: счастье осмысления и счастье обладания, причём вне альтернативного прочерчивания этих векторов, поскольку осмысление помогает, способствует обладанию, а обладание требует интерпретации, осмысления в первую очередь того, что есть, а не только того, что может и/или должно быть.

Теперь с этих позиций рассмотрим три дискурса: художественный, разговорный и родословный.

В сюжете и поэтике художественного текста счастье бывает так глубоко запрято (как бывает запрято оно и в обычной жизни), что требуется особый инструментарий и проникновения в языковую ткань произведения, и домысливания, поскольку недоговорённость даёт больший эффект, нежели экспликация смысла.

Есть классические тексты, тексты ключевые, знаковые. Это «Повести Белкина» А. С. Пушкина, на которых, по мысли Д. Шеварова, оборвалась тема «счастливого случая» [6], романы Л. Н. Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», стихотворение И. А. Бунина «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», рассказ И. А. Бунина «Антоновские яблоки», роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева».

Как вырабатывалось умение радоваться мелочам, даруемым судьбой, нередко находим в жанре воспоминаний, например: в воспоминаниях Анастасии Цветаевой, Валентина Катаева.

Литература «продолжается», в том числе и литература счастья.

Современная художественная литература, как зарубежная, так и отечественная, даёт интересный материал для развития фелицитарной лингвистики. Роман Ричарда Баха «Мост через вечность» посвящён переживаниям счастья, полёта, осмыслению повседневности как переживаемого счастья, хотя идея романа уводит героев и читателя в мистические дали, в разговор с вечностью. Однако если роман анализировать лингвистически, не литературоведчески, то сам язык романа (перевод с англ. – И. Старых) помогает раскрытию техник счастья в повседневном.

Выпишем из упомянутого произведения Ричарда Баха некоторые сентенции, раскрытию которых посвящено всё повествование. *Чтобы привлечь что-либо в свою жизнь, представь, будто оно уже там есть* [7, с. 33]; *Важно не то, проиграем ли мы в игре, важно, как мы проиграем и как благодаря этому изменимся, что нового вынесем для себя, как сможем применить это в других играх. Странным образом поражение оборачивается победой* [7, с. 156]; *А удовольствие от собственных слов получаешь тогда, когда говоришь как можно меньше неправды* [7, с. 453].

Ключевые «фелицитарные» мысли олицетворены, одушевлены образами героя романа и его любимой очаровательной женщины Лесли: *Каждый мужчина, проходивший в радиусе ста футов, замедлял шаг, чтобы посмотреть на неё* [7, с. 168]; *Как много можно познать вместе! Как много можно передать друг другу! Иностранные языки и искусство перевоплощения; поэзия, драматургия и компьютерное программирование... как видеть скрытый смысл... как служить и помогать, читать лекции и быть слушателем; как смотреть и касаться... как создавать миры из мечты и жить в них, изменяясь* [7, с. 418]; *Если теперь у меня возникают во-*

просы, я задаю их ей, и она отвечает мне. Если же у вас ещё нет родной души, я бы посоветовал всем найти её как можно скорее [7, с. 457].

Ни один текст не способен ответить на все вопросы, но из числа текстов подчас становятся значимыми как раз те, в которых ставятся и решаются наиболее животрепещущие идеи и проекции, среди которых проекция счастья.

В современной отечественной литературе трудно найти автора, который не поднимал бы тему счастья. Это Виктория Токарева и Нина Горланова, Людмила Улицкая и Александр Мелихов, Борис Екимов и Наталья Нестерова, Мария Арбатова и Леонид Жуховицкий, Дина Рубина и Михаил Шишкин.

Недавно опубликованная повесть Александра Мелихова «Бессмертная Валька» [8] пронизана идеей ценности каждого дня даже в ситуациях пребывания больного в хосписе. Героиня повести спорит с героем, от лица которого ведётся повествование, спорит об умирающем: *«Он хоть и от безмозглости, а умнее тебя. Жить нужно и радоваться до последнего вздоха, и ты меня не переубедишь! <...> Ты хочешь, чтобы мы чудеса творили. А если нет чудес, то и стараться нечего. А я считаю, что если мы подарили человеку хоть одну секунду покоя, хоть одну секунду радости, это уже наша победа! Вот так!».*

Один из рассказов Бориса Екимова (цикл «На хуторе») посвящён решению проблемы самостоятельного человека в 90-е годы, когда инженер, потеряв работу, вернулся в село и своими силами, то есть собственным крошечным трудом построил в селе добротную усадьбу, наладил жизнь себе и своим близким, продолжая много и хорошо трудиться.

Разумеется, все эти сюжеты спроецированы на богатейший, талантливый язык, и вот здесь начинается пространство «лингвистики» счастья, сосредоточенной уже не на материале пословиц, а на эвристике художественного слова.

В рассказе Людмилы Улицкой «Бронька» о счастье речь будто бы и не идёт (судьба юной матери-одиночки, поднявшей четырёх детей-погодков), но весь строй повествования парадоксально высвечивает счастье жить и в таких условиях, радоваться достойному человеку, давать жизнь другим, ценить и беречь это благоговение перед жизнью: *Бронька была и впрямь существом особенным, нездешним – с какой-то балетной летучей походкой, натянутым как тетива позвоночником и запрокинутой головой [9, с. 21]; Поведение Броньки как до рождения ребёнка, так и после было безукоризненным [9, 23]; Теперь Симкино тцеславие кормилось от этих исключительных, таких удачных, таких талантливых – слава Богу! – и таких умных – Боже мой! – и здоровых – тьфу-тьфу, не сглазить! – мальчиков [9, 27]; Ира, он обращался ко мне на «вы»! Вокруг него, как это тебе объяснить, была другая жизнь, и она не касалась той, которой жили все остальные... Он ото всех был как-то ограждён, относился с уважением ко всем, даже к кошке. ...Терпелив был необыкновенно, ни одного раздражённого слова [9, с.35].*

Ещё больший парадокс отражает повесть Леонида Жуховицкого «Умирать не профессионально», в подтексте которой скрывается мысль о счастье высокого профессионализма, и, хотя повествование концентрируется вокруг весьма печальных вещей, связанных с бандитизмом, коррупцией, само умение героя защитить себя и своих и решить проблемы дорогого стоит. *«Но в главном Макарыч был прав: умирать не профессионально. Мужик – тоже профессия. Кто-то ведь должен детей кормить, глупых баб защищать, стариков прикрывать от болезней и нищеты. И умирать мужику отчасти даже подло. Кто защитит? Государство?» [10, с. 68].*

Итак, мы привели лишь несколько фрагментов из литературы последнего периода и упомянули о классике, чтобы заострить необходимость систематизации такого материала, таящегося в художественном дискурсе. Когниции, эмоции и перцепции счастья в художественном тексте представлены в причудливом наборе: когниции обычно завуалированы, поданы под видом и флагом акустической культуры (в только что приведённом отрывке герой говорит о главном не декларативно, не па-

фосно, скорее «разговорно»!), эмоции счастья выражены опосредованно, через позы, жесты, мимику, или через отзеркаливание чужого «я» («мужчины оглядывались» – в вышеприведённом контексте из Р. Баха), перцепция больше связана с переживаниями удовольствия и несколько мешает движению сюжета. Перцептивная составляющая счастья превалирует, например, в романе украинской писательницы Оксаны Забужко «Музей заброшенных секретов», в рассказе Ирины Васильковой «Художник по свету»: *Женищина познаёт мир на ощупь, через прикосновения, плотность материи, текстуру и фактуру, текучесть и вязкость. Так устроена жизнь – кто же ещё проследит, чтобы манная каша была без комков, складки в промежности младенца присыпаны атласным тальком, крахмальное бельё помогло утюгу скользить без сцепления, а рыхлая земля не мешала дышать цветам. Швейная машинка монотонно стрекочет – под пальцами то шёлк, то кожа, холодные спицы ряд за рядом достраивают спинку колючего свитера, тесто упруго возвращает усилие кулакам, и блестят вымытые стёкла. Это счастье – лепить действительность, дарить жизнь несуществующим вещам, осязать явленное* [11, с.49].

Теперь в аспекте разработки фелицитарной лингвистики рассмотрим, ситуацию с лингвистикой счастья в разговорном дискурсе на основе лично собранной электронной базы данных «Мозаика разговорной речи» [12]. Методологически вновь будем ориентироваться на триаду: когниция – эмоция – перцепция. Проанализируем, как представлены указанные проекции.

Когниция счастья в разговорном дискурсе представлена через сентенции, аналогов которым, скорее всего, нет аналогов в современном художественном дискурсе.

На речке рано утром мужчина рассказывает знакомому: *ПРИРОДА ВСЕМ ДАЁТ ПОРОВНУ. Я в шубе на машине приехал (моржевать), а он пешком в фуфайке с того берега пришёл. Разделись, он и говорит: Природа нас уравнила, ПРИРОДА ВСЕМ ДАЁТ ПОРОВНУ. Солнышко, вода – и тебе, говорит, и мне!* (01.05.12).

Учительница 31 г.: *И ПОСПЛЕТНИЧАТЬ НАДО! Ведь Сеченов сказал: женщины мыслит, когда говорит. Когда замолкает, она не думает...* (07.05.12)

Юбиляр, доцент, 80 л.: *Я выросла без мамы, были две мачехи, это хорошая закладка. Мачеха мне говорила очень строго: «ТВОЁ НАСТРОЕНИЕ НИКОМУ НЕ НУЖНО!» Вы когда-нибудь видели моё плохое настроение?* (25.05.12).

Продавщица покрывал, подушек покупательнице сердито: *ДА ЧТО ВОСЕМЬДЕСЯТ, ЧТО СЕМНАДЦАТЬ! ДА КАКАЯ РАЗНИЦА, СКОЛЬКО ЛЕТ ЧЕЛОВЕКУ! А то с утра приходят и начинают: Ой! Дайте для бабульки! – А сами вы? – Вы правы, у меня трое внуков!* (13.07.12).

Доцент 55 л.: *Он дурной! Девочка действительно хорошая! Мама у неё профессиональный повар. Её устроили в органы. Зарплата приличная. Потом, ВСЕ ЭТИ СЕМЬИ ПОЛУНЕМЕЦКИЕ ОНИ Ж ОЧЕНЬ ХОРОШИЕ СЕМЬИ! Это полная семья. Родственники в Германии, приглашают на жительство. Фигура прекрасная! Очень спокойная девочка, улыбчивая. Чего ещё надо? Ну, пусть там не верх интеллектуализма, но девочка приятная* (26.07.12).

Эмоция счастья в разговорном дискурсе представлена более разнообразной, нежели когниция, парадигмой выражения, а именно: фразеологизмами, междометиями, диминутивами, вокативами, метафорами, сравнениями, эпитетами, комплиментами, цитатами. Многие из перечисленного возможно в сочетаниях и наложениях, как метафора и комплимент в одном из следующих примеров, и многое при этом сопровождается интонацией юмора.

Студентка по сотовому телефону молодому человеку: *Привет! Ничего не делаешь? СЧАСТЬЕ ЛОВИШЬ?* (11.12.12).

Профессор женщине в большой шапке из чернубурки: *Вы такая... ЗИМНЕ-БОЯРСКАЯ!* (04.02.13).

В ожидании проверки. Секретарь: *Наше стадо собирается!* Руководитель: *Народ рвётся в бой! Как в анекдоте: «Уж полночь близится, а Германа всё нет»* (13.12.12).

В кулинарии напарнице: *Я смотрю: ты в носочечках. Морж! Думаю: БОЖЕЧКИ! Заболеет ведь! Скажут: простудили девку на хлебном отделе!* (15.12.12).

Свахе, взявшей чуть пригоревшую котлету: *Что ж вы взяли такой НЕГРИТОСИСТЫЙ?* (15.12.12).

Интересна и перцепция счастья в разговорном дискурсе, реализованная моделями «приятно слушать (вдыхать, вкушать, смотреть, трогать)»

Две знакомые, лет 45-50, в троллейбусе: *Там одна продаёт копилочки. Такая кошечка чёрненькая. Двести рублей. Я подумала, отошла, а девушка подошла, купила. – СКОЛЬКО ХОРОШЕГО, И ВСЁ ХОЧЕТСЯ! Да на всё разве напасёшься!* (23.06.12)

Женщина-реализатор лет 40: *Черешня, вообще, ОГОНЬ!* (07.06.12).

Преподаватель, женщина, 33 г., Ставрополь: *В горы пойдёшь – ТАКОЙ ЗАПАХ ОТ СОСЕН! ТЕБЯ ПРОСТО ПРЕТ ОТ ЭТОГО ЗАПАХА, этого ощущения!* (07.05.12).

Девушка лет 18, студентка, о жарком лете и работе в офисе: *Польёшь на себя воды холодной, ПОВИЗЖИШЬ, постоишь...* (31.07.12).

Старшеклассник маме: *Приготовь БОРЩИЧКА!* – А я думала: что-то ВКУС-НЕНЬКОГО. – *Так линейка завтра!* – *Хочу кролика с ароматным рисом, как в тот раз. Сделать?* (30.05.12).

Продавщица лет 45 про абрикосы в нескольких ящиках: *Вы хотите сладкий? Этот СЛАДКИЙ! Этот СЛАДКИЙ! Этот очень-очень СЛАДКИЙ!* (13.07.12).

Продавщица кулинарии, лет 45 о грецком орехе в жидкой карамели: *Понравилась? Каждый день будем делать – такие ВКУСНЯЧКИ!* (18.07.12).

Разговор женщин, торгующих сувенирами, лет 50: *В четверг приготовила, в пятницу сделала. – А я не люблю заквашенные! Я лимончик туда, Чуть-чуть майонезу!* (24.07.12).

На банкете о закрытии диссертационного совета: *Как хорошо пьётся на фоне УХОДЯЩЕЙ АТЛАНТИДЫ! Жена моя просит: Господи, прикрой совет! НА ЧТО ГОСПОДЬ БОГ СКАЗАЛ: Я ВАМ НЕ ФУРСЕНКО!* (23.05.12).

Женщина о собачке породы шпиц, схватившей палку: *Сейчас будет грызть. Ляжет в подорожнике, он ПРОХЛАДНЕНЬКИЙ и грызёт. Но никому не отдаст!* (14.07.12).

Жена мужу, обоим лет 40: *Хорошо. Такое ВЕЯНИЕ... ПРОХЛАДНЕНЬКО. – Да, НЕ ЖАРКО. Деревья не шелохнёт, тридцать два градуса.* (21.07.12).

Мама, лет 26, двухлетней дочке, смотрящей на витрину, сидя на шее отца: *Проси, проси! МЯГКО у папы!* (23.07.12)

Интересно, что в разговорном дискурсе говорящие добывают свою порцию счастья ещё и через украшение речи...

– гиперболой: Мама троих детей о необходимости быть ответственной за выпускной в 4-м классе: *У нас детей НЕМЕРЯНО, куда нам?* (15.02.13);

– цитатой: На совещании: *Эти задачи во многом взаимоисключающие! Либо вложить деньги и готовить нобелевских лауреатов, либо развивать инновационную деятельность. – Инновационная деятельность и даст деньги для фундаментальных исследований. – То есть по китайской схеме: «ПУСТЬ РАСЦВЕТАЮТ ВСЕ ЦВЕТЫ»!* (14.02.13);

– аграмматизмом: На конференции преподаватель музыкального колледжа, доцент: *На 1-2-м курсах я дал эссе «Язык и музыка». И так это всё интересно БЫЛО (И ЕСТЬ!) ЧИТАТЬ!* (13.02.13);

– метонимией: Молодая женщина, заглядывая в маршрутку, водителю: *ВОРКУТА где? – Сзади! За мной!* (15.02.13);

– синонимией: Мужчина, перепутавший маршрутку, водителю: *Слышь, ВЫБРОСИ меня! Женщина подхватывает: ВЫКИНЬТЕ его! (15.02.13);*

– словотворчеством: На совещании профессор: *Если говорить о проректорах, то надо УМОЩНЯТЬ их: с таким хилым штатом они не справятся (14.02.13).*

Мы сейчас заглянули в записи всего трёх дней (13 – 15 февраля 2013 г.), и уже они дали необходимую порцию иллюстративного материала орнаментального характера по разным критериям. Если же подобные примеры собирать целенаправленно, то за три дня фактов «осчастливливания» процедуры говорения будет на порядок больше. Полагаем, что это есть не что иное, как пятый аспект «удовольствия говорить», о котором писал К. Г. Фрумкин [13].

Наконец, что касается родословного дискурса, исследуемого на основе лично собранного архива семейных родословных (сочинений на тему «История моей семьи»), то лингвистика счастья получает в рамках этого дискурса едва ли не оптимальный материал. Здесь и счастье осмысления, и счастье обладания, и мелочи повседневности, трактуемые как свидетельства счастья (первый шаг ребёнка, гостинец «от зайчика», бабушкины пироги), и нарративы, иллюстрирующие пословицы «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь», и рассуждения о счастье как «побочном продукте правильно организованной жизни». *То ли удачлив был, то ли судьба сжалилась над сиротами, выстрадавшими в этой жизни и так много, только вернулся Иван после госпиталя к своей семье (Т. И. Степаненко).* Тема счастья просматривается даже в минимальных контекстах родословных: *Но главное – у нас есть сын (А. Д. Трунин).*

Триада: когниция – эмоция – перцепция – представлена и в рассказах об истории семьи, только наполнение рубрик здесь, естественно, иное, но лингвистически тоже весьма интересное, как и в художественном, и в разговорном дискурсах.

Когниция счастья: *Мой дедушка самый лучший дедушка на всём белом свете. Если бы у каждого была такая весёлая натура и такой прекрасный характер, как у него, то в мире не было бы никаких проблем и на всём белом свете воцарилось добро и счастье. Когда я была маленькой, он постоянно веселил меня, показывая разные фокусы, отчего я приходила в восторг. / Как обычно бабушки передают своим дочерям и внукам какие-нибудь навыки. Некоторые бабушки передают искусство готовить, некоторые искусство шить. А вот моя бабушка научила меня искусству чистоты Что это такое? Она научила меня содержать дом в идеальной чистоте. Несмотря на то, что у меня живут две собаки, чистота в доме поражала всех моих друзей, которые часто навещали меня <...> На одном из студенческих вечеров они и познакомились. Это была любовь с первого взгляда. Подруги завидовали моей маме, ведь она связывала свою жизнь с замечательным, умным, обаятельным человеком, который к этому времени был мастером спорта по тяжёлой атлетике (Н. М. Садекова)*

Эмоция счастья: *Семья? Что может быть ценнее и дороже? ... Разве может что-нибудь или кто-нибудь кроме семьи поддержать в трудную минуту, облегчить боль или страдание или порадоваться с тобой вместе, когда ты на вершине счастья и блаженства? О нет! Лучшие семьи этого никто не сделает <>Ещё до рождения Лизы мы с мужем волновались: как сложатся отношения между маленьким ребёнком и старшей дочерью? Вдруг будет ревновать? Вдруг не полюбит? Слава Богу, стахи оказались напрасны: Маришка очень полюбила Лизоньку, нашего маленького котёнка, играет с ней, разговаривает... (Ю. Н. Черкашина).*

Перцепция счастья: *И когда моя мама с братьями и сестрой приезжали к нам в гости (с. Севрюково), то на ночь обязательно читалась Библия <...> Обустроивая свой дом, мы сохраняем вещи, которые дороги и памятны нам с детства, даже если они не подходят к современному интерьеру (Н. И. Христева).*

Перцепция, разумеется, не исключает эмоции, и обе они не чужды когнитивному потенциалу счастья. Приведённые примеры содержат все три ипостаси, однако с

некоторым преобладанием одной из них в каждом сочинении, фрагменты которых и приведены выше.

Интересно, что, иллюстрируя триаду счастья: когниции, эмоции, перцепции, – мы каждый раз сейчас оставались в рамках одного и того же текста родословной. Можно было бы давать и сквозные примеры, однако здесь дорого и то, что, выбрав приоритет изображения, автор родословной, не исключено, что на бессознательном уровне, старается следовать выбранной модели представления позитива.

Таким образом, все три рассмотренных в сжатом виде дискурса: художественный, разговорный и родословный характеризуются специфическим набором средств языкового выражения переживания счастья, которые можно систематизировать в рамках триады: когниция – эмоция – перцепция. В плане фелицитарной лингвистики дискурсы взаимодополняют друг друга. Художественный текст учит фиксации и интерпретации счастливых мгновений, разговорный дискурс расширяет сферу позитивных переживаний за счёт спонтанной эмоции и спонтанной перцепции, а его когниции (в форме сентенций, наблюдений «по теме счастья») поставляют свежий, актуальный материал, следы переработки информации в знание.

Здесь важно пояснить разницу между знанием и информацией. Знание есть болевая собственность сердца. Сердце является единственным органом знания, как органом земного зрения является глаз. Но сердце не справляется с хранением этой болевой собственности, потому что это хранение требует от сердца всех его усилий, без остатка, а земное сердце вынуждено пожизненно работать для прокорма человеческого мяса. Поэтому сердце время от времени сбрасывает свое знание в мозг, где оно мгновенно становится голой информацией. Эта холодная информация, хранящаяся в мозге, находится как бы вне самого человека, и несмотря на то, что мозг человека размещен внутри черепной коробки, информация пребывает словно снаружи от человека, как, скажем, данные в библиотечной картотеке или на дисках компьютера – таково свойство информации, – и только знание способно помещаться внутри человека, потому что именно сердце помещается внутри него (М. Палей. Ланч). Эта развёрнутая цитата перекликается с сжатой цитатой из уже упомянутой выше книги Р.Баха: «Всё, что вы знаете, истинно!», «Никогда не сомневайтесь в том, что вы знаете» [7, с. 433]. Исследуя сентенции, зафиксированные в разговорной речи, мы имеем дело с такой лично переработанной информацией, тем самым «сердечным знанием», что сближает творчество рядового носителя языка с творчеством художника слова, годами исподволь перерабатывающего жизненные впечатления.

Что же касается родословного дискурса, то в плане фелицитарной лингвистики он незаменим в прояснении смысла жизни, высокого строя повседневности. Более того, уверенная фиксация счастья в прошлом заставляет, побуждает, принуждает автора родословной переосмысливать и ситуацию «здесь и сейчас» (*hic et nunc*, по И. Канту), и проекцию, провидение счастья «после момента речи», то есть в будущем.

Выбрав для постановки проблематики фелицитарной лингвистики три дискурса: художественный, разговорный и родословный, мы отнюдь не замыкаем на них всего комплекса возможного дальнейшего лингвистического изучения феномена счастья. Скорее, наоборот: это первый, наиболее наглядный материал для потенциального исследователя. К анализу заявленной проблематики в перспективе целесообразно подключить и современный публицистический дискурс с его алармистскими (запугивающими) тенденциями и интонациями, и научно-популярный дискурс, становящийся, к сожалению, всё менее востребованным в эпоху торжества Интернет-культуры, и даже, не в последнюю очередь, «детский» дискурс. Считается, что дети умеют радоваться мелочам, но вместе с тем: не учат ли их взрослые «излишне осторожному» общению с переживаниями счастья? И как влияет на это переживание дефицит сиблингового общения, то есть отсутствие в семье брата и/или сестры?

Впрочем, перспективы исследования просматриваются далеко не только в расширении дискурсологической базы. Целесообразно расширять также прикладные аспекты фелицитарной лингвистики, в частности лексикографирование языкового позитива. Упомянем в связи с этим едва ли не единственный в своём роде словарь «Доброе слово» А. Г. Балакай [14]. Должны получить развитие и психотерапевтические аспекты, которые находятся сейчас полностью в ведении психологов [15], хотя и у филологов может быть своя ниша, свой фонд выражения чувств. Наконец, группировку исследований прикладного характера могут составить дидактические аспекты, обучение детей переживанию счастья.

Список литературы

1. Фрумкин К. Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // Знамя. – 2011. – № 11. – С. 204 – 214.
2. Харченко К. В. Удовлетворённость: методология и опыт муниципальных исследований. – М.: Альперия, 2011. – 260 с.
3. Гаврилова И. С. Аксиологический смысл концепта «счастье» в лингвокультуре. Дис. ... канд. филос. наук. – М., 2003. – 139 с.
4. Лагаева Д. Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках. Дис. ...канд. филол. наук. – Элиста, 2009. – 190 с.
5. Русакова И. Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в содержании русских пословиц. Дис. ... канд. филол. н. – М., 2007. – 200 с.
6. Шеваров Дм. Пьеро Белкин // Новый мир. – 1999. – № 4. – С. 170 – 175.
7. Бах Р. Мост через вечность. – М.: ООО Изд-во «София», 2007. – 480 с.
8. Мелихов А. Бессмертная Валька. Повесть // Звезда. – 2012. – № 8. – С. 7 – 63.
9. Улицкая Л. Е. Бронька // Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – С.19 – 37.
10. Жуховицкий Л. Г. Умирать не профессионально. Роман // Нева. – 2010. – № 6. – С. 6 – 73.
11. Василькова И. Художник по свету. Рассказ // Знамя. – 2007. – № 2. – С. 46 – 51.
12. Харченко В. К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2013. – 190 с.
13. Фрумкин К. Г. О загадочном удовольствии говорить // Нева. – 2010. – № 12. – С. 139 – 146.
14. Балакай А. Г. Доброе слово. Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX – XX вв.: В 2-х томах. – Кемерово: Изд-во Новокузнецкого гос.пед.ин-та, 1999. – Т. 1. – 318 с.; Т.2. – 336 с.
15. Соколов Д. Ю. Сказки и сказкотерапия. – М.: Классик, 1997. – 160 с.

FELICITOUS LINGUISTICS: STATEMENT OF THE PROBLEM

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

The paper introduces “Felicitous linguistics” based on the materials of Fictional Discourses, Family History Discourses and Colloquial discourses. The author analyses its constituents through the Triad: Cognition, Emotion and Perception and outlines the major trends of Felicitous linguistics.

Key words: colloquial discourse, metaphor, felicitous, vocative.